

Летописец эпохи. К 195-летию со дня рождения М.Е. Салтыкова-Щедрина

Г. Иванов

«Величайшим из сатириков, когда-либо рожденных славянами», «политическим летописцем своей эпохи» и подлинным «духовным вождем» демократической России назвал некогда Щедрина хорошо знавший цену слова известный писатель-революционер С.М. Степняк-Кравчинский.

Действительно, все свое дарование, «все силы своего ума и сердца», как незадолго до смерти скажет о себе он сам в полуавтобиографической сказке «Приключение с Крамольниковым», «крамольный литератор» Щедрин отдал делу борьбы за возрождение своей «поруганной родины», делу приобщения народа к сознательной политической деятельности, делу пробуждения в читателе чувства личной ответственности за общее, неустойчивое течение капризной русской истории.

О чем бы он ни писал: о бедном ли Карасе-идеалисте, верящем в «бескровное преуспеяние», или о фантастическом Глупове, безропотно выносящем на себе насильственное «иго безумия воинственных глуповских градоначальников; о двух ли «осторожных» интеллигентах, вследствие «вехний времени» и собственной нравственной податливости неотвратимо превращающихся в «благонамеренно- благонадежных скотин», или об измученном, изможденном Коняге, знающем только свою изнурительную нескончаемую работу.

Вообще, при всей необычайной сложности оригинальной «эзоповской манеры» его сатирического повествования внутренний, скрытый смысл его сатир в целом оказывался достаточно понятным, чтобы — из года в год, на протяжении многих десятилетий — вызывать озлобление одних и восхищение других.

«Ах, это писательское ремесло! — с горечью восклицает Щедрин в цикле «Мелочи жизни». — Это не только мука, но целый душевный ад. Капля по капле сочится писательская кровь, прежде нежели попадет под

печатный станок. Чего со мною ни делали! И вырезывали, и урезывали, и перетолковывали, и целиком запрещали, и всенародно объявляли, что я — вредный, вредный, вредный. Трудно поверить, а в провинции власть имущие делали гримасы, встретив где-нибудь мою книгу. „Каким образом этот вредный писатель попал сюда? — вот вопрос, который считался самым натуральным относительно моих сочинений, встреченных где-нибудь в библиотеке или клубе. Один газетчик, которому я не мало помог своим сотрудничеством при начале его журнального поприща, теперь прямо называет меня не только вредным, но паскудным писателем».

Однако, как настойчиво внушали писателю в середине восьмидесятых годов его полтавские почитатели, «вредный» голос его слышала и другая Россия, видящая в «писателе Щедрина» гордость русской литературы, своего союзника и наставника.

«Мы, как и вся Россия, — говорилось в этом письме, — знаем цену этому голосу. Под суровой и неумолимой формой сатиры мы научились слушать звуки любви и страдания. Вашим творениям, как голосу совести, каждый из нас глубоко обязан отрезвлением, пробуждением и охранением нравственных и общественных идеалов.

Вашим презренным клеветникам не обмануть Россию, им не запугать ее страхом Ваших отрицаний: чем шире, полнее разовьется сознание мыслящей России, тем ярче будет блистать Ваше имя и связанное с ним представление о Вашем гении, и тем дороже станет оно гордящейся Вами России».

* * *

Успешно пройдя в сороковые годы «школу идей» Белинского, считавшего изучение жизни «альфой и омегой» новой русской литературы, а отчасти и петрашевцев, справедливо видевших «источник всего худого» не «в природе человеческой, но в самом устройстве житейских отношений», двадцатилетний Салтыков первые же свои беллетристические произведения посвящает посильному осмыслению загадочной «стоглавой гидры», которая «зывается действительностью», и выяснению воздействия

этой «гидры» на характер и судьбы трепещущей перед нею «массы» и отдельного «индивидуума».

Неудивительно, что уже в раннем творчестве писателя появляется, с одной стороны, известное гротескно-символическое изображение чудовищной социальной пирамиды, восходящей к подобному же символическому образу Сен-Симона, составленной из плотно насаженных друг на друга, изуродованных, обезличенных и, соответственно, не способных к какой-либо самостоятельной деятельности или умственной работе людей — основы и фундамента, самодержавно-деспотической власти. И, с другой стороны, в то же самое время устами одного из своих героев он демонстративно заявляет, что, с его точки зрения, «говорить только о человечестве и забывать о человеке — глупо, не только глупо, но и подло».

Именно это, неразрывное для него сочетание интереса к общим, кардинальным проблемам социального устройства России, решаемым к тому же в духе гуманистических идей великих социалистов-утопистов с интересом к отдельной, конкретной личности, оказывающейся невольной жертвою господствующих в стране «порядков», в сущности, и определило собою как место молодого писателя в современной ему литературе, так и его собственную судьбу, внезапно — на семь с лишним лет — забросившую его в далекую, негостеприимную Вятку.

Смена «школы идей» суровую «школою жизни» явилась всесторонней проверкой «направленного» в нее Салтыкова. К счастью для русской литературы, он не только выдержал обрушившееся на него испытание, но и вышел из этой «школы» обогащенным новыми знаниями открывшейся ему России и — что исключительно важно — ее обездоленного народа. Своего рода обобщающим сводом этих новых знаний, новых впечатлений и размышлений, а вместе с тем и публичным экзаменом на аттестат творческой зрелости стали для возмужавшего писателя его «Губернские очерки», положившие начало той «политической летописи» современной ему действительности, которую он будет вести затем всю свою далеко не легкую жизнь.

«Николай умер, — вспоминает о времени появления в печати щедринских „Губернских очерков" Н.В. Щелгунов. — Надо было жить в то время, чтобы понять ликующий восторг „новых людей" ...».

«Никому, конечно, не придёт в голову, что Крымская война создала что-то новое, сотворила новые материалы, — пишет о том же времени й В.В. Стасов. — Нет, она только отвалила плиту от гробницы, где лежала заживо похороненная Россия. Что назревало в литературе, закутанное и замаскированное тысячами покровов, получило теперь свое выражение и громовое слово».

Едва ли не первым раскатом этого «громового слова» и оказались во второй половине пятидесятых годов «собранные и изданные г. М.Е. Салтыковым» развернутые «Губернские очерки» «отставного надворного советника Н.И. Щедрина», как станет отныне называть себя писатель-сатирик.

В настоящее время даже трудно себе представить, какой огромный резонанс вызвало некогда это полубеллетристическое произведение среди широчайших кругов русской читающей публики, начиная с провинциального чиновничества и кончая царским двором. Им восхищались — и оно возмущало, ему откровенно подражали и над ним раздраженно иронизировали, в нем видели надежного союзника — и с ним открыто боролись. Дело дошло до того, что, по свидетельству некоторых современников, для части русского общества «Губернские очерки» сатирика стали своего рода откровением, вторыми «Мертвыми душами» выходящей из летаргии России, а по словам Н.С. Лескова, в связи с книгой Щедрина возник слух, «будто бы родился антихрист и действует в советницком чине. По газетам и другим журналам закопошились обличители».

Обязанная своим возникновением настойчивому стремлению Щедрина разобраться в современной ему истории, «политическая летопись» писателя сама фактически становится органической, составной частью этой движущейся, живой истории, оказывая ощутимое воздействие на дальнейшее становление и развитие общественного самосознания России.

Поистине сенсационный успех, выпавший на долю

«Губернских очерков» сразу же после их появления в печати, заставил тридцатилетнего Щедрина заново — и теперь уже окончательно — поверить и в свое творческое призвание, и в свои творческие силы.

Продолжая с некоторыми перерывами еще около десяти лет оставаться на государственной службе, он в свободное от этой службы время целиком отдается литературе, все больше и больше видя в живом слове действенное орудие борьбы со всякого рода мертвечиной и порождаемым ею умственным застоєм.

При этом, если в финале «Губернских очерков» преисполненный оптимизма Щедрин торжественно хоронит «прошлые времена» в приснившемся ему «вещем сне», а затем, словно не веря случившемуся, решается еще раз похоронить те же самые «времена» в не законченной им «Книге об умирающих», то к началу шестидесятых годов его представления о прошлом и связи этого прошлого с настоящим претерпевают серьезнейшие изменения..

Стройное, поступательное движение современной ему истории, в которое он так охотно поверил на заре «новой эры» — эпохи шестидесятых годов, неожиданно оборачивается в его глазах бурным, кипящим водоворотом противоборствующих друг другу стихий внезапно «skonфузившейся» за себя России.

Понять внутреннюю, скрытую от постороннего взгляда природу этого «исторического водоворота», характер участвующих в нем сил, их жизненные, социально-исторические истоки и подлинные потенциальные возможности и значит, по мнению Щедрина, ответить тем самым на главный «жгучий вопрос эпохи», куда идти: идти ли на сделку с установившимися формами жизни, признать ли, что в них есть нечто хорошее и примиряющее, или откровенно взглянуть на них, как на старый хлам, негодный даже для справок?»

Свое образное, художественное выражение эти мучительнейшие искания Щедрина начала шестидесятых годов находят практически почти во всех его художественно-публицистических циклах и, в частности, в его живом трагикомическом рассказе **о судьбах города Глупова.**

- Город без осмысленной истории и разумных человеческих отношений;
- город феноменальной безалаберщины и поразительной сонной одури;
- город бесконечных «гастрономических страстей» и полного, абсолютного равнодушия ко всякой умственной деятельности;
- город забитых, вечно голодных, хотя и не разгибающих своих спин Иванушек
- город сытых, праздных, довольных выпавшей им судьбою Сидорычей,

полуфантастический Глупов в изображении писателя становится как бы обобщенным, сатирически сфокусированным отражением худших, «наиглупейших», наиболее бессмысленных свойств и проявлений современной ему действительности.

Спасти этот презираемый и вместе близкий его сердцу Глупов от неизбежно ожидающей его вскоре гибели смогут, считает в это время Щедрин, либо сильные, очистительные ветры, дующие из города Умнова, либо поучительный пример некоего города Буянова; «где сын отцу в глаза сказал: не дури, тятка! разобью зубы» и куда с некоторых пор с явным, повышенным любопытством невольно начали устремлять свои взоры глуповцы.

Ранняя, первоначальная школа возвышенных социалистических идей великих европейских утопистов, идей петрашевцев и Белинского, проверенная «школою жизни» томительного «вятского плена», сменилась школою «Современника», школою революционной демократии, с которою Щедрин прочно связывает отныне свою дальнейшую творческую деятельность и которая активно содействует начавшемуся переходу писателя от изучения и изображения важнейших явлений действительности к всестороннему осмыслению и освещению самих социальных «основ» и всевозможных «краеугольных камней» самодержавно-бюрократической России.

Огромную, совершенно исключительную роль в этом переходе писателя на относительно новые для него идейно-

творческие позиции сыграла сама жизнь, вновь показавшая ему, а с ним и русскому обществу, необычайную устойчивость Глупова перед все еще неизвестными ему «соседними» Умновыми и Буяновыми.

4 апреля 1886 года в Петербурге, недалеко от выхода из Летнего сада, молодой революционер Д.В. Каракозов совершает неудачное покушение на императора Александра II, попытавшись почти в упор выстрелить в него из револьвера.

По свидетельству очевидцев, на естественный вопрос царя: за что он стрелял в него? — Каракозов, не задумываясь, ответил, что государь слишком долго обманывал Россию, обещая ей всякого рода блага, что он «обделил землю крестьян» и что, в конечном счете, он стрелял в царя «за народ». Правительство не только пренебрегло этим грозным предостережением, но и решило в ответ на каракозовский выстрел резко притормозить свою же «реформаторскую деятельность» и нанести сокрушительный удар по русской демократической интеллигенции и демократической печати — главному, с его точки зрения, идейному вдохновителю случайно не удавшегося покушения.

Одной из первых жертв этого «правительственного террора» сделались, как и следовало того ожидать, сначала некрасовский «Современник», а затем и «Русское слово», что вызвало настоящую панику среди части русских писателей и некоторых близких к ним кругов.

О реакции общества на принятые правительством меры А. Скабичевский, «всюду пылали письма, прокламации, нумера „Колокола“, брошюры и книги, изданные за границей и с риском привезенные на родину. Много драгоценных исторических материалов погибло в эти дни в пламени».

Вновь в полный голос заявляет о себе реакция. Нелепый, казалось бы, «Трактат о вреде реформ вообще», который в конце шестидесятых годов сочиняет в одной из пьес А.Н. Островского выживший из ума генерал Крутицкий, начавший «Артикул первый» этого знаменательного «Трактата» с весьма многозначительной фразы: «Всякая реформа вредна уже по своей сущности», — свидетельствовал не столько о его, Крутицкого, личных взглядах и вкусах, сколько о намерении

реакции приостановить, а еще лучше — вообще повернуть вспять, в старое «глуповское» русло течение русской истории.

В это исключительно трудное для всей страны время нужно было, безусловно, обладать высоким гражданским мужеством, чтобы не просто сохранить верность прежним демократическим идеалам, но и открыто поднять голос против наступления реакции и опирающейся на нее самодержавно-бюрократической власти.

«У Салтыкова было огромное редакторское чутье, - утверждает в своих интересных воспоминаниях писатель И.И. Ясинский. — В каждой книжке «Отечественных записок» обязательно появлялся всегда новый молодой писатель, если рассказ был талантлив — писатель становился более или менее постоянным сотрудником журнала. К этому примешивалось еще большее чувство ответственности перед громадной аудиторией журнала».

«...Он обязательно поддерживал начинающих писателей, лишь только замечал в их произведениях хоть проблески таланта или дарования, - писал Ж.В. Успенский. — Над чужими рукописями он работал едва не больше, чем над своими собственными. Часто он выпускал совсем то или другое действующее лицо, бывшее, по его мнению, совершенно лишним в рассказе, и тогда ему приходилось пересмотреть и переработать все произведение от начала и до конца».

В 1808-1884 годы — время существования возрожденных «Отечественных записок» — Щедрин как писатель и публицист работает поразительно продуктивно, с каждым новым произведением раскрывая все новые и новые, подчас совершенно неожиданные для окружающих, грани своего могучего дарования.

Именно в это время он завершает, наконец, работу над «Помпадурами и помпадуршами», создает «Историю одного города», «Господ ташкентцев» и «Господ Головлевых», «Дневник провинциала в Петербурге», «За рубежом» и «Современную идиллию», трагические «Письма к тетеньке» и некоторые другие произведения, придав столь удачно начатой им еще «Губернскими очерками» очерковой «легацией эпохи» характер необычайно емкого и многогранного сатири-

эпического повествования.

Главным, основным типом его художественного произведения становится в эти годы, как правило, совершенно особый тип оригинального сатирического романа или близкой ему своеобразной сатирической хроники. Они сознательно строятся писателем не на привычной любовно-семейной или какой-либо сюжетно-бытовой коллизии, а на свободном, внутренне раскованном и — вместе с тем — строго продуманном прямом сатирическом освещении движения самой истории в ее наиболее существенных — общественных, политических, идейных, нравственных и бытовых — проявлениях.

Не случайно, по мнению пристально следившего за ним И.А- Гончарова, «с новой, нарождающейся жизнью» во второй половине девятнадцатого столетия мог по-настоящему сделать русской литературе только один Щедрин, а по убеждению самого писателя, его «Современную идиллию», «Дневник провинциала в Петербурге», «Господ Головлевых» и некоторые другие произведения, «несмотря даже на то, что они составлены как бы из отдельных рассказов», следовало бы все-таки признать «настоящими романами», поскольку в них «взяты целые периоды» постоянно меняющейся русской общественной жизни.